

Кр III 1274868

Успенский Н. П.

Ферапонтов Белозерский Рождества
пречистая Богородицы монастырь

вень нашего прихода, въ которой кабакъ существовалъ только два года, было при немъ подрядъ три самыхъ опустошительныхъ пожара, послѣ которыхъ деревня настолько заустѣла, что и узнать ее было невозможно.

Такъ вотъ что значили для деревни кабакъ и сидѣлецъ-кабатчикъ. И да не подумаетъ, читатель, что мы сгустили краски и что-нибудь преувеличили. Наоборотъ, я долженъ признаться, что сказалъ объ этой язвѣ народной жизни далеко, далеко не все, что нужно. И если бы пинѣшняя реформа въ продажѣ спиртныхъ напитковъ принесла съ собою въ итогъ лишь уничтоженіе одного только этого зла, т. е. кабака и кулака-сидѣльца, то мы и за это, по всей справедливости, были бы весьма признательны ей.

Обыватель.

ФЕРАОНТОВЪ БЪЛОЗЕРСКІЙ

РОЖДЕСТВА ПРЕЧИСТЫЯ БОГОРОДИЦЫ МОНАСТЫРЬ.

(Къ 500-лѣтію его основанія).

Съ половины XIV вѣка бѣлозерская область, составлявшая независимое удѣльное княженіе, подпала сильному вліянію Москвы. Съ каждымъ годомъ власть мѣстныхъ бѣлозерскихъ князей таяла, а значеніе московскихъ государей росло, такъ что къ исходу столѣтія весь обширный бѣлозерскій край оказался въ верховномъ обладаніи Москвы, ставъ отъѣзжимъ удѣломъ великокняжескаго брата Андрея Дмитріевича, князя Можайскаго. Довольно густое населеніе московскаго государства въ новой лѣсной и малообитаемой области нашло много свободныхъ и удобныхъ мѣстъ для земледѣлія и первобытныхъ промысловъ. Край сталъ быстро наполняться пришлымъ народомъ.

Во главѣ переселенческаго движенія шли старцы-пустынники. Путь же ему проложили преподобный Фераонтъ Бѣлозерскій. Онъ первый ознакомился съ бѣлозерскими краями и нашелъ ихъ удобными для пустынножительства и заселенія.

Св. Фераонтъ происходилъ изъ дворянъ города Волоколайска. Феодоръ Покочинъ, такъ звали въ мірѣ бѣлозерскаго гонимца, въ домѣ своихъ родителей преусиѣвая „въ науче-

ніи благихъ дѣлъ“, стяжалъ „душевную доброту и умъ здравъ“, но не былъ наученъ „грамотной хитрости“, такъ что всю жизнь оставался безъ нея.

Общество того времени было проникнуто уваженіемъ къ иноческой жизни. Феодоръ росъ, когда дѣятельность св. Сергія Радонежскаго, вдохнувшего новую жизнь въ монастыри московскаго государства, получила широкое распространеніе и огласку. Тогда всѣ лучшіе люди шли въ монастыри, а кто не успѣвалъ этого сдѣлать своевременно, постригался передъ смертію. Феодоръ съ раннихъ лѣтъ ощутилъ въ себѣ желаніе „сподобитися святаго иноческаго образа“ и, оставивъ свой родной край, прибылъ въ Москву, въ Симоновъ монастырь, гдѣ и былъ принятъ въ число иночествующей братіи. Новоначальный инокъ Ферапонтъ, по обычаю монастырскаго, въ наученіе „келейнаго жительства и чина монастырскаго, бдѣнія Божественнаго и постничества“, былъ отданъ нѣкоему искусному старцу. Братія скоро обратила вниманіе на усерднаго и строгаго подвижника. Ему стали поручать разныя монастырскія службы, которыя онъ несъ съ великимъ послушаніемъ; и между прочимъ отправляли по дѣламъ обители въ отдаленныя страны. Такъ неоднократно приходилось ему бывать въ новопріобрѣтенной московской области на Вѣль-озерѣ. За свои путешествія туда преподобный Ферапонтъ хорошо успѣлъ ознакомиться съ нею и „зѣло возлюбилъ ю“.

Въ это время въ чудномъ видѣніи св. Кириллу Вѣлозерскому, жившему тогда на старомъ Симоновѣ на покоеѣ, было указано идти на Вѣлозеро и тамъ поселиться для пустынножительства. Преподобный Ферапонтъ, прибывъ съ Вѣлозера, поспѣтилъ св. Кирилла. Между старцами единомышленниками завязалась бесѣда. Преподобный Ферапонтъ съ похвалою рассказывалъ объ удобствахъ отдаленныхъ Вѣлозерскихъ странъ для пустынножительства, изобилующихъ лѣсами, озерами и рѣками. Согласились и оба вышли оставивъ Симоновъ монастырь. Послѣ немалыхъ поисковъ по обширной области Вѣлозерска, остановились на берегахъ Северскаго озера и здѣсь, водрузивъ св. крестъ и возблагодаривъ Бога и Пречистую Богородицу, приведшую ихъ сюда, дѣятельно принялись въ глухомъ лѣсу за устройство новаго мѣста обитанія.

Но святые отшельники вмѣстѣ жили недолго. Святой Ферапонтъ пожелалъ отдѣльно поселиться, въ особомъ мѣстѣ, о чемъ повѣдалъ своему спутнику, и получилъ отъ него благословеніе. Отойдя отъ Кирилловой пустыни верстъ 18 къ сѣверу, онъ установился межъ двухъ озеръ Паскимъ и Бородавскимъ на рѣкѣ;

гдѣ и поселился среди первобытнаго лѣса. Обычно признають, что это происходило въ 1398 году, т. е. на другой годъ послѣ основанія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

Выбранное мѣсто было „вельми красно“ и „угодно на жителство“ и хотя оно было „пустынно и лѣсно“, но для святаго старца „быше паче всѣхъ селеніихъ на земли“. Съ большою радостію принялся отшельникъ за устройство своего поселенія: поставилъ для себя „келейцу малу“, очистилъ вокругъ ея лѣсъ, обнесъ свою пустынную усадьбицу оградою для защиты. О пропитаніи приходилось озаботиться самому. Старецъ съкъ лѣсъ, приготовлялъ вырубленную мѣстность для подѣлки-гарн, укладывая на ней сухія вѣтви и разнаго рода хворостъ и, все это выжегши, сѣялъ хлѣбъ. Такъ появились вокругъ пустыни земледѣльческія угоды—пашни и луга, раздѣланныя руками св. старца-отшельника. Трудность борьбы съ дикою природою усложнилась другого рода препятствіями. Приходилось няѣтъ страхъ и опасеніе предъ звѣремъ. Недобрые люди также не разъ досаждали святому: нѣкоторые грозили смертію, выгоняя изъ занятаго мѣста, другіе нападали на него, требуя имущества и денегъ. Для отшельнической жизни въ дикомъ лѣсу, при суровости природы и людей, необходима была строгая выдержанность, которая давалась строгостію порядку, содержимыхъ въ общительныхъ монастыряхъ, и поддерживалась неуклоннымъ выполненіемъ правилъ отшельничества. Святой Оерапонтъ былъ питомецъ Симонова монастыря, когда тамъ еще не ослабли первоначальные порядки и, поселившись одиноко въ пустынь, слѣдовалъ въ жизни неопустительно преданію св. отецъ: терпѣніе пріобрѣталъ молитвою, воздержность—постомъ, ночной сонъ прогонялъ бдѣніемъ въ пѣніи, помыслы вражьи и уныніе разсѣивалъ непрестанными трудами, и такъ преуспѣвалъ въ пустынномъ жителствѣ. Но весь этотъ трудъ на пользу нравственнаго преуспѣянія, трудъ борьбы съ дикою природою и людьми поддерживался и воодушевлялся упованіемъ на помощь Божію и крѣпкою надеждою на заступленіе Пречистой Дѣвы, вѣра въ Которую на Руси особенно сильно оживилась и широко распространилась на переломѣ XIV и XV вѣковъ.

Скоро около одинокой отшельнической кельи святаго Оерапонта появились другія, выстроенныя прибывшими пустынниками. Всего собралось болѣе двадцати человекъ. Они склонили святаго старца устроить церковь, каковая была создана, съ разрѣшенія ростовскаго архіепископа, во имя Рождества Пречистой Богородицы, украшена иконами и снабжена книгами. Такъ изъ

пустынной кельи сталъ выростать монастырь. Теперь кельи расположились вкругъ церкви „двукровны и трикровны“. Братія продолжала копиться. Прибыль нѣкто изъ священниковъ. Преподобный принялъ его съ радостію, „вельми упокоить“ и велѣлъ совершать ему Божественную литургію, которую одни иноки безъ священника не могли нѣть. При церкви для службы образовался полный клиросъ — чтецы и пѣвцы. Устройство монастыря продолжалось. Велѣдъ за введеніемъ правильного дневного богослуженія „начаша обще ясти въ одной храминѣ по уставу монастырскому“, т. е. появилась трапеза, а также и казна, гдѣ хранилось движимое монастырское имущество. Изъ братіи выдѣлились старцы служебники, которымъ вручены были разнаго рода дѣла обители. Наконецъ выбранъ былъ игумень. Самъ преподобный не былъ имъ, такъ какъ не имѣлъ священнаго сана необходимаго для этого. Теперь иначе стали относиться къ пустыннику мѣстные жители. Въ поселившемся старцѣ узнали святаго мужа, и нѣкоторые пожелали къ нему вступить на жительство въ братію. Такъ прибылъ изъ ближайшихъ деревень крестьянинъ, принятый въ монастырь по просьбѣ братіи и названный при постриженіи Григоріемъ. Онъ былъ весьма искусенъ въ рыбной ловлѣ, чѣмъ много послужилъ обители. Молва о вновь возникшей иноческой пустынѣ прошла далеко. Стали приходять изъ селъ и деревень многіе люди и вельможи, которые приносили съ собою или присылали немалыя милостыни на строеніе, службу церковную и на содержаніе братіи. Слухъ дошелъ до самого бѣлозерскаго князя Андрея Дмитріевича, который благосклонно отнесся къ возникшему монастырю и отдалъ ему близъ лежащія земли и озера во владѣніе. На появившейся земельной собственности вкругъ монастыря возникли крестьянскіе поселки. Такъ среди чернаго лѣсу образовалось человѣческое жилище.

Ферапонтовъ монастырь возникъ съ согласія и благословенія св. Кирилла и подъ его же руководствомъ онъ устроился. Это не разъ и съ особою настойчивостію отмѣчаетъ древній повѣствователь. Св. Кириллъ одобрилъ повѣданное ему преподобнымъ Ферапонтомъ желаніе отдѣльно поселиться на пустынножительствѣ, съ любовью и благословеніемъ отпустилъ его и, когда узналъ объ избранномъ мѣстѣ, то похвалилъ его, такъ какъ самъ хорошо зналъ это мѣсто. Дружественныя отношенія между святыми пустынниками продолжались также въ послѣдующее время. „Хождаше же святыи (Ферапонтъ) на посѣщеніе и пользы ради къ преподобному Кириллу о келейномъ жительствѣ и о

церковномъ цѣнн... и уставъ жительства быше отъ него приѣмля“. Поэтому понятно, что внутренніе порядки обѣихъ бѣлозерскихъ обителей были одинаковы и древній жизнеописатель не различаетъ ихъ, сказавъ, что оба монастыря имѣютъ одинъ чинъ и начало.

Правила о жительствѣ братіи Ферапонтова монастыря касаются поведенія иноковъ церкви, на трапезѣ, въ кельи и говорятъ о трудахъ братіи на пользу иноческой общины. Въ церкви иноки являлись благопрістойно и своевременно: стояли за службою со многими вниманіемъ и молча, не бесѣдуя другъ съ другомъ. Пили и ѣли на трапезѣ въ установленное время и оттуда къ себѣ въ кельи ничего не выносили; только больнымъ дозволялось вкушать у себя въ кельѣ. Молитва и безмолвіе по кельямъ велось „со всякимъ утвержденіемъ“. Кромѣ иконъ и книгъ „Божественнаго ради цѣнн“ и необходимыхъ орудій для рукодѣлія, въ кельяхъ ничего нельзя было держать. Все сдѣланное относилось въ казну, гдѣ хранились разные предметы и припасы, необходимые на монастырскую потребу. Трудъ являлся непрѣмной обязанностію инока, такъ что все въ монастырѣ исполнялось самою братією безъ помощи „мірскія чади“. „Ини книги ишнуть, друзии книгамъ учатся, ини сѣти плетуть на рыбныя ловленія, друзии келіи дѣлають, дрова въ мегерницу (поварню) и въ хлѣбню и въ трапезу и воду носяще, хлѣбы и варенія приготавлиюще“. Въ силу такихъ порядковъ нравственная жизнь иночествующихъ, прямая цѣль монастырей, стояла на высокой степени. „Велику же и чистоту тѣлесную и душевную имѣяху: день и ночь въ безмолвіи со смиреніемъ Бога ради труждающеся, другъ другу повинующеся, съ любовію растворенною созидающе (свое спасеніе); выну небесныя обители духомъ горяще, Богу работающе постомъ и молитвами, со многими воздержаніемъ нищету духовную гоняще“. Изобразивъ такую картину иноческой жизни, древній повѣствователь прибавляетъ: „понеже велику теплоту и радѣніе имѣютъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, наипаче еже по Возѣ“.

Свѣдѣнія о дѣятельности святаго Ферапонта были записаны болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ по его кончинѣ. Поэтому понятно, что древній повѣствователь о первоначальныхъ судьбахъ Ферапонтовой пустыни говоритъ слишкомъ обще. Однако время не могло изгладить въ благоговѣйной памяти людей двухъ особенностей, въ которыхъ проявилось личное участіе святаго Ферапонта въ устроеніи созданной имъ пустыни. Онѣ для насъ очень драгоценны, мы поэтому должны ихъ отмѣтить.

Первая изъ нихъ — постоянный и упорный трудъ святаго. Когда онъ выходилъ изъ келліи бралъ обычно съ собою „сѣчиво и котыгу“ и съ ними трудился „по вся дни“ зѣло много, часто даже ночью. За нимъ слѣдовала и братія. Это указывалось, что въ сравненіи съ Кирилловымъ Оieranонтовъ монастырь былъ проще, сѣрѣе: Кирилловъ скоро возвысился до большого монастыря, а Оieranонтовъ надолго остался небольшою пустынею, собиравшею въ свою ограду людей, болѣе пекущихся о душевномъ устроеніи, чѣмъ о богатствѣ своей обители. Вторая особенность — то, что святой Оieranонтъ не былъ игуменомъ монастыря, имъ созданнаго. Но чтобы быть игуменомъ, нужно было быть священникомъ, а святой не зналъ грамоты, безъ которой священнику не обойтись. Такимъ образомъ положеніе святаго въ его монастырѣ было особенное: онъ не былъ лицомъ, вѣдавшимъ все духовныя и административно-хозяйственныя дѣла. Его положеніе покоилось на преобладающихъ трудахъ въ пользу обители и на нравственномъ обаяніи его святой личности. Это былъ строитель монастыря въ духовномъ и хозяйственномъ отношеніи, душа обители, создавшая ее. „Слово его бяше сладко всѣмъ, божественною солю растворяемо, сирѣчь, благодатию“. Поэтому вся братія приходила къ нему поучиться и получала отъ сего великую пользу и утѣшеніе.

Преподобный Оieranонтъ устроилъ бѣлозерскую обитель около шести лѣтъ, съ 1398 года по 1406-й. Случилось быть въ пустынь намѣстнику бѣлозерскаго князя Андрея Дмитріевича и онъ вступилъ въ разговоръ съ преподобнымъ „о душевныхъ вещахъ и тѣлесныхъ потребахъ“. Бесѣда такъ плѣнила княжескаго намѣстника, что онъ весьма расположился къ обители и, когда прибылъ къ своему господину, то съ большою похвалою рассказалъ ему о пустынникѣ, создавшемъ новый монастырь. Тогда князь рѣшилъ вызвать святаго старца къ себѣ, чтобы онъ около Можайска устроилъ монастырь. Только послѣ многихъ просьбъ, бывшихъ не безъ принужденія, святой рѣшился оставить бѣлозерскую обитель и, поселившись около Можайска, стольнаго города князя Андрея, занялся устройствомъ Можайскаго Лужецкаго монастыря во имя Рождества Пречистой Богородицы, существующаго до нынѣ, гдѣ и почилъ блаженно 27 мая 1426 года, когда и читается его память.

Съ отшествіемъ святаго Оieranонта съ Бѣлозерска въ Можайскъ, свѣдѣнія о монастырѣ его прекращаются до времени, когда сюда прибылъ преподобный Мартиніанъ Бѣлозерскій. Дѣятельность этого святаго мужа подняла захудалую было обитель,

такъ что трудамъ его Ферапонтовъ монастырь обязанъ лучшею страницей въ своей исторіи: около святаго Мартиніана сбирался кружокъ лицъ, преданныхъ духовно-нравственному самоусовершенствованію; тогда кладутся прочныя основы матеріальному и общественно-государственному положенію монастыря. Значеніе этой дѣятельности было столь важно, что монастырь Ферапонтовъ назывался нѣкоторое время Мартиніановымъ и мы съ полнымъ правомъ можемъ повторить за древнимъ повѣствованіемъ: „служителя того крѣпка Пречистѣй Богородицы Матери Своей постави Ея святыми молитвами“.

Святой Мартиніанъ, по своему происхожденію, былъ крестьянинъ села Сямы Вологодскаго уѣзда. Еще отрокомъ, бывшемъ въ „разумѣ и ученіи грамотномъ“, родственники привели его въ монастырь къ св. Кириллу Вѣлозерскому. Мальчикъ пораженъ былъ видомъ св. старца и палъ предъ нимъ на колѣни, прося: „возми меня, господине, къ себѣ“. Это тронуло старца. „Въ та времена, пишеть далѣе повѣствователь, прилучися близъ обителя святаго человекъ нѣкій живяше, имя ему Алена Павловъ, діакъ монастырскій. Дѣло его быше книги писати и учити ученики грамотныя хитрости, зѣло искусенъ сый таковому художеству“. Призвавъ этого дьяка, святой Кириллъ отдалъ отрока ему въ наученіе грамотѣ, прося сохранить его, какъ зѣницу ока, въ великой чистотѣ. И съ благословенія святаго началось обученіе. Мальчикъ былъ способный и быстро усвоилъ „грамотную хитрость“, такъ что всѣ дивились скорому ученію. Тщательно испытавъ, святой Кириллъ велѣлъ юному послушнику „книгамъ научатися“, а вскорѣ потомъ, убѣдившись въ его высокихъ нравственныхъ качествахъ, постригъ въ иноки и такъ изъ Михаила сталъ Мартиніанъ. Юнаго инока святой Кириллъ сдѣлалъ своимъ ученикомъ и велѣлъ ему жить у себя въ келліи. Мартиніанъ оказался ревностнымъ ученикомъ своего старца, такъ что послѣднему приходилось ограничивать пылъ юношескій въ монастырскихъ подвигахъ. Смотри на него, старецъ не разъ говаривалъ братіи, что изъ его любимаго ученика выйдетъ искусный инокъ. Когда онъ подросъ, святой сталъ его посылать на послушаніе въ хлѣбню и поварню и онъ все дѣлалъ съ одинаковою охотою—воду носилъ, дрова сѣкъ и хлѣбы по братіямъ разносилъ на службы. За все это время святой держалъ Мартиніана у себя, а когда жѣ убѣдился, что онъ можетъ жить одинъ, отпустилъ съ благословеніемъ въ особую келью жить, какъ и прочая братія. Строго-подвижническое направленіе жизни сохранилось и здѣсь. Затѣмъ онъ, какъ знающій грамоту, былъ

опредѣленъ на клиросъ и затѣмъ, съдѣланъ діакономъ для службы въ соборной церкви. Изъ послушаній святой Кирилль назначилъ ему писаніе книгъ, въ чемъ онъ былъ весьма искусенъ. Высокая жизнь и усѣхи возбудили въ нѣкоторыхъ изъ братіи зависть, но Мартиніанъ жилъ, желая всею быть приятнымъ. Когда же святой Кирилль скончался, онъ оставилъ монастырь чтобы предаться безмолвію въ какой либо глухой пустынь безъ посторонней помѣхи.

Изъ мѣста своего постриженія преподобный Мартиніанъ вынесъ полную опытность въ иноческой жизни и горячую ревность слѣдовать стопамъ святаго Кирилла, доброе жительство котораго, какъ хартію, носилъ въ своемъ сердцѣ и какъ бы по нѣкоей лѣтницѣ поднимался по ней въ дѣлѣ самоусовершенствованія. Мѣстомъ своего поселенія святой отшельникъ, дѣйствительно, избралъ пустыню—небольшой островъ озера Воже—и здѣсь началъ свою жизнь. Скоро присоединились къ нему другіе отшельники. Была построена церковь во имя Преображенія Господня. Такъ возникъ новый пустынный монастырь. Но въ немъ св. Мартиніанъ оставался не долго. Братія Ферапонтова монастыря во главѣ съ игуменомъ упросили его переселиться въ свою обитель.

Къ радости братіи онъ согласился и прибылъ въ Ферапонтовъ монастырь еще до кончины бѣлозерскаго князя Андрея Дмитріевича (1432 г.). Братія звала его къ себѣ, какъ знаменитаго и строгаго подвижника, и онъ, прибывъ, съ ревностію принялся за устройство церковной службы и устава червеческаго жительства, такъ что его возлюбили за образцовую жизнь, какъ своего „домашняго строителя и доводца истина“. Скоро игумень оставилъ настоятельство въ монастырѣ. На его мѣсто единодушно братія избрала святаго Мартиніана и била челомъ князю бѣлозерскому, чтобы онъ призналъ его игуменомъ. Новозбранный настоятель хорошо былъ извѣстенъ князю, а поэтому, когда явился къ нему, то не только былъ допущенъ на игуменство, но получилъ на обитель вклады и грамоты. Теперь предъ нимъ открылся широкій путь для устройства иноческаго жительства. Порядки обители святаго Кирилла были водворены во всей полнотѣ. Строгость жизни привлекла въ пустыни многихъ. Одни приходили побесѣдовать съ святымъ Мартиніаномъ, а другіе, чтобы съ нимъ сожительствовать. Прибывали изъ другихъ монастырей, или нѣкоторые и мірскіе люди, желающіе постричься. Братія умножалась. Такъ шло до 1448 года.

Сѣверные повѣствователи любятъ разсказывать о событіяхъ, послѣдовавшихъ за ослѣпленіемъ великаго князя Василія Васильевича. Сѣверь, открыто перейдя на сторону низложеннаго великаго князя, когда Москва и ея сосѣдніе города еще колебались, оказалъ величайшую услугу государству. Прибывъ изъ Углича на Вологду, Василій Темный недолго здѣсь оставался, и поѣхалъ со всею семьею молиться по сѣвернымъ монастырямъ. Здѣсь его вездѣ встрѣчали, какъ великаго князя и открыто вступили въ число его приверженцевъ, побуждая идти въ Москву за отнятымъ столомъ. Изъ Кириллова монастыря, ставшаго во главѣ этого движенія, великій князь заѣхалъ въ Оранонтовъ монастырь со всеми своими воинами. Игумень вышелъ встрѣтить высокаго богомольца со всею братіею за монастырь, принялъ съ великою честію и радостію. Князь, прослушавъ богослуженіе, по обычаю древнихъ, накормилъ (учредилъ) братію. Игумень, провожая воодушевлялъ князя идти противъ врага и благословилъ его на это дѣло. Личность игумена Мартиніана произвела сильное впечатлѣніе на оцальнаго государя и, когда онъ вступилъ благополучно въ наслѣдіе своихъ предковъ, вспомнилъ о оранонтовскомъ игуменѣ и вызвалъ его настоятелемъ въ Сергіевъ монастырь къ Троицѣ.

Здѣсь святой Мартиніанъ показалъ себя крѣпкимъ поборникомъ преданій святаго Кирилла. Строгость монастырской жизни поддерживалъ во всей силѣ. Обстоятельства заставили строгаго подвижника принимать участіе въ дѣлахъ государственныхъ. По прибытіи на игуменство къ Живоначальной Троицѣ, онъ сталъ духовникомъ великаго князя, который его много уважалъ. Случилось, что одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ князя отѣхалъ въ Тверь. Это сильно огорчило государя и онъ обратился къ посредничеству сергіевского игумена, своего духовнаго отца, обѣщая отѣхавшему боярину возвратить старое положеніе при себѣ. Но когда тотъ, положившись на св. Мартиніана, прибылъ въ Москву, великій князь въ гнѣвѣ велѣлъ схватить его и окованнаго бросить въ темницу. Родные обратились къ преподобному Мартиніану. Онъ съ горечью узналъ о случившемся и не медля верхомъ на конѣ отправился въ Москву. Войдя къ великому князю старецъ безбоязненно обличилъ его за измѣну въ словѣ и въ заключеніе сказалъ: „не буди меня грѣшнаго благословенія на тебѣ и на твоёмъ великомъ княженіи“, поспѣшно вышелъ и уѣхалъ въ свой монастырь. Князь былъ пораженъ неожиданнымъ обличеніемъ и понялъ свою неправду. На зовъ явились бояре, которымъ князь разсказалъ, какъ его „чернецъ“

болотный“ въ его дворцѣ изобличили. По желанію князя, поѣхали все съ нимъ къ Троицѣ. Опальный же бѣяринъ былъ прощенъ и ему было возвращено его прежнее иолженіе и богатство. Игумень съ братією вышелъ изъ монастыря встрѣтить высокихъ гостей и принялъ ихъ со всеѣмъ радушіемъ. Князь, покормивъ братію, возвратился домой, а св. Мартиніана съ этого времени сталъ чтить еще больше.

У Живоначальной Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ св. Мартиніанъ игуменствовалъ около восьми лѣтъ (1448—1455 г.). Старость приближалась и святому захотѣлось возвратиться въ Оранонтовъ монастырь, оставленный имъ не вполне еще устроеннымъ. Сергіевская братія удерживала старца у себя, но онъ рѣшилъ оставить игуменство. Собралъ братію, въ послѣдній разъ далъ ей наставленіе и, поклонившись Св. Троицѣ и гробу св. Сергія, удалился въ бѣлозерскіе края.

Здѣсь братія Оранонтова монастыря во главѣ съ игуменомъ съ радостію встрѣтила строгаго подвижника и просила его принять на себя въ монастырѣ строительство, на что, послѣ многихъ просьбъ, святой наконецъ согласился. Трудно опредѣлить, въ чемъ состояли обязанности строителя при игуменѣ, но они давали, какъ можно полагать, широкую возможность работать на пользу обители. Въ кругъ этихъ обязанностей входили какъ заботы о хозяйственномъ, такъ и духовномъ процвѣтаніи монастыря. Такъ св. Мартиніанъ, не будучи игуменомъ, имѣлъ попеченіе „о благолѣпнн соборномъ, о устроеннн монастырскомъ и еже къ братству крѣпости“, заимствуя потребное то изъ устава Кириллова монастыря, то изъ устава Сергіева монастыря. Своихъ заботъ о монастырѣ старецъ не оставлялъ до самой кончины и былъ всегда во всеѣмъ живымъ образцомъ для иноковъ. Въ послѣднее время не могъ самъ ходить на соборное иѣніе, такъ что его туда носили на рукахъ. Когда же увидалъ, что въ конецъ изнемогаетъ отъ старости, призвалъ къ себѣ игумена и братію, всеѣхъ съ нимъ Богу работающихъ по своей силѣ, и предъ всеѣми заповѣдалъ игумену съ братією сохранять преданіе и чинъ обители во всеѣмъ, не разоряя ничего отъ монастырскаго устава, изстари содержимаго. Скончался св. Мартиніанъ въ глубокой старости, пробывъ въ иночествѣ болѣе семидесяти лѣтъ, въ 1483 году, въ воскресенье, 12 января, когда и чтится его память на преставленіе.

Св. Мартиніанъ былъ сильною личностію, исполненною благолати. Поэтому понятно, что около его образовался кружокъ лицъ, частію единомышленниковъ его, а частію учениковъ. Это

было уже подмѣчено встарину. „Мнози отъ нѣдръ онѣхъ, говоритъ древній повѣствователь, преподобныхъ отецъ (т. е. св. Ферапонта и св. Мартиніана) епископи изыдоша, мнози игумены и учителя и наставники общимъ житіямъ... мнози ученицы и братія и отцы ихъ прозорливи быша, и мнози Божія благодати исполнени и райскія нищи сподобихася“. Здѣсь, конечно, главное значеніе принадлежитъ св. Мартиніану, святой Ферапонтъ былъ въ монастырѣ недолго (1398—1406 г.) и упомянутъ здѣсь какъ основатель обители.

Ко времени жизни св. Мартиніана относятся подвиги его ученика блаженнаго Гелактіона, избравшаго путемъ ко спасенію юродство. Когда постигла св. Мартиніана старость и соединенныя съ нею недуги, этотъ юродивый носилъ его на соборную службу. Три извѣстія сохранились о немъ отъ древности. Выстроили новую трапезу и удивлялись ея красотѣ, а блаженный къ изумленію братіи сказалъ: „добра, добра да недолговѣчна“. И вотъ на другой день загорѣлась келья нѣкоего брата, огонь быстро распространился по монастырю. Игумень Іоасафъ, затѣмъ архіепископъ ростовскій, сильно тужилъ, опасаясь за хранившуюся въ его кельѣ драгоценность. „Бога гнѣваешь скорбѣя“, укорялъ его юродивый. Оправдываясь игумень сказалъ: „не для себя ее сохранилъ, а ради монастырскія нужды“ и разсказалъ юродивому, гдѣ ее найти. Тотъ, оградившись крестнымъ знаменіемъ, стремительно бросился въ горѣвшую келью и вынесъ оттуда сокровище со словами: „вотъ не тужи: о худомъ дѣлѣ скорбишь“. Огонь до конца истребилъ трапезу и опасность угрожала звонницѣ. Братія рѣшила сѣчь ее, чтобы спасти колокола. Юродивый не допустилъ до этого, говоря, что огонь не коснется. Такъ и было. Нѣкій старецъ державшій игуменство послѣ болѣе 20 лѣтъ, впалъ въ уныніе и хотѣлъ даже оставить обитель Пречистыя Богородицы. Юродивый, бывшій учителемъ впаднаго въ уныніе брата, пришолъ и, сѣвъ на порогъ кельи, сказалъ: „что, братъ, задумалъ врага послушать? Нельзя избѣжать искушеній его: отъ насъ уйдешь, но отъ его лукавства никуда не уйдешь“. Пришло время отойти ко Господу; юродивый сильно разболѣлся. Братъ просфорникъ, бывшій ему собесѣдникъ, постриженикъ Симонова монастыря, по имени Савватій, пришелъ посѣтить болящаго и сильно скорбѣлъ о его болѣзни. Но блаженный Гелактіонъ сказалъ: „не скорби, отойду въ восьмой день и ты за мной пойдешь“. Такъ и случилось. Разболѣлся и Савватій и въ восьмой день тоже отошелъ ко Господу.

Постриженниками св. Мартиніана были Филоеи. епископъ вологодскій и великопермскій (1471—1501 г.) и Іоасафъ, архіепископъ ростовскій, ярославскій и бѣлозерскій (1481—1488 г.). Послѣдній происходилъ изъ князей Оболенскихъ. Оба они были игуменами Оерапонтова монастыря и оба, возлюбивъ мѣсто своего постриженія, оставили свои владычныя кафедры, чтобы остатокъ дней посвятить безъ пренятствія любомудрію въ отдаленной пустынѣ. Епископъ Филоеи пермскій оставилъ епископію и прибылъ сначала въ Кирилловъ монастырь въ апрѣлѣ 1501 года и затѣмъ переселился въ Оерапонтовъ и тамъ скончался 2 октября 1507 г. Владыка же Іоасафъ жилъ болѣе долгое время на покоѣ въ мѣстѣ своего постриженія (1488—1513 г.), а именно болѣе пятнадцати лѣтъ. Изъ 1489 году въ монастырской вотчинѣ на Бородавѣ устроена церковь во имя Положенія ризъ Пречистой Богородицы.

Единовременно съ владыками Филоеємъ и Іоасафомъ здѣсь же находился кievскій митрополитъ грекъ Спиридонъ. Пребываніе въ бѣлозерскихъ пустыняхъ, славившихся въ то время строгостію пустынножителей, грековъ не было исключительнымъ явленіемъ. Извѣстны и другіе греки, которые мѣстомъ своихъ иноческихъ подвиговъ выбрали бѣлозерскіе края. Къ митрополиту Спиридону обратился игумень Соловецкаго монастыря Досноей съ просьбою, чтобы тотъ на основаніи безхитростныхъ записокъ о жизни и подвигахъ начальниковъ соловецкихъ, Зосимы и Савватія, составилъ житіе ихъ, которое мы теперь читаемъ, въ нашихъ печатныхъ четьяхъ-минеехъ. Дальнѣйшая судьба митрополита Спиридона неизвѣстна, какъ равно и поводы, приведшіе его въ Оерапонтовъ монастырь.

Во дни св. Мартиніана постригся въ Оерапонтовомъ монастырѣ и подвизался преподобный Кассіанъ, грекъ, изъ рода князей Морейскихъ (Мангунскихъ). Въ концѣ XV вѣка онъ оставилъ мѣсто своего постриженія и основалъ въ 23 верстахъ около г. Углича при впаденіи рѣчки Уchemy въ Волгу монастырь во имя Успенія Пречистой Богородицы. Преп. Кассіанъ блаженно почилъ 2 октября 1504 года.

Во время волненій, вызванныхъ расторженіемъ перваго и заключеніемъ втораго брака великаго князя Василія Ивановича, откликнулся на злобу дня и Оерапонтовъ монастырь изъ лицъ своего старца Пансіа, написавшаго по этому поводу посланіе къ великому князю.

Такимъ образомъ отдаленная пустыня, благодаря дѣятельности св. Мартиніана, сумѣла сосредоточить въ себѣ довольно

обширный кругъ людей, изъ которыхъ шесть человѣкъ оставили свои имена на страницахъ исторіи.

Общественно-государственное положеніе Оеранптова монастыря, въ основныхъ своихъ началахъ, вполне выяснилось въ XV вѣкѣ. Когда прибылъ на берега Паскаго и Бородавскаго озеръ преподобный Оеранптъ, здѣсь все кругомъ было пустынно. Необходимыя для содержанія монастыря вотчины находились вдали отъ обители. Но къ половинѣ вѣка монастырь былъ уже окруженъ многими поселками. Жалованныя грамоты утвердили за монастыремъ право суда надъ людьми, населившими монастырскую вотчину, освободивъ ихъ отъ подсудности помѣстнымъ властямъ. Во вновь населенныхъ мѣстахъ появились церкви, необходимый спутникъ русскаго человѣка. Но монастырскимъ вотчинамъ, кромѣ Бородавской церкви, въ началѣ XVI вѣка существовали уже церкви: св. пр. Іліи на Цынинѣ, Зачатія Пречистыя Богородицы въ Раменѣ, св. Николая чудотворца на Кленовѣ, Богоявленія на Козохтѣ, св. Петра на рѣкѣ Суслѣ въ пустынѣ, св. же Петра на Ситкѣ. Отсюда ясно значеніе монастыря въ содѣйствіи церкви и государству по устроенію Русской земли.

Влестящіе дни Оеранптова монастыря закончились прославленіемъ памяти его строителей св. Оеранпта и св. Мартиніана. Когда копали могилу для архіепископа Іоасафа, пожелавшаго лечь своимъ тѣломъ до всеобщаго воскресенія вмѣстѣ съ своимъ учителемъ преп. Мартиніаномъ, наткнулись на гробъ святаго, а въ немъ обрѣли его мощи нетлѣнными. Это было въ 1513 г. 7 октября. Но церковнаго открытія мощей для всеобщаго поклоненія не было сдѣлано, почему, вѣроятно, св. мощи опять и были положены въ гробницу, въ которой онѣ и нынѣ пребываютъ подъ спудомъ. Когда митрополитъ Макарій предпринялъ общую канонизацію мѣсто-чтимыхъ на Руси святыхъ, житія Оеранптовскихъ преподобныхъ на соборѣ не были представлены. Поэтому разрѣшеніе пѣть и праздновать имъ послѣдовало не на соборѣ 1547 года, а на послѣдующемъ 1549 года соборѣ при архіепископѣ Алексѣѣ ростовскомъ, и при епископахъ: Діонисѣѣ рязанскомъ, Макаріѣ тверскомъ, Феодосѣѣ коломенскомъ, Саввѣ сарскомъ, Кирилѣи пермскомъ и при многихъ архимандритахъ, игуменахъ и старцахъ. Житіе, подвергнувшееся разсмотрѣнію освященнаго собора, было составлено іеромонахомъ Кириллова монастыря Матосемъ, бывшимъ первоначально священникомъ при Цышаской церкви Оеранптова монастыря, очевидцемъ многихъ чудесъ, бывшихъ при обрѣтеніи мощей св. Мартиніана.

Съ половины XVI вѣка для Оерапонтова монастыря начинаютъ сѣрые будничные дни. Однообразное теченіе ихъ было прервано въ началѣ XVII вѣка волненіями смутнаго времени, когда Оерапонтовъ монастырь былъ (въ 1614 г.) разграбленъ казаками и черкесами. Этими будничными днями такъ и закончилось бы существованіе Оерапонтовой пустыни, если бы во второй половинѣ XVII вѣка не произошло обстоятельство, которое привлекло къ бѣлозерской пустынѣ вниманіе всѣхъ людей московскаго государства и увѣковѣчило ее навсегда въ исторіи русскаго народа. Здѣсь провелъ въ невольномъ затченіи святѣйшій патріархъ Никонъ девять лѣтъ, сосланный сюда по опредѣленію московскаго собора 1666 года.

Изложенный патріархъ былъ привезенъ въ монастырь на развѣтѣ 21 декабря подъ сильную стражу стрѣльцовъ въ сопровожденіи пристава Аггея Шепелева и нижегородскаго печерскаго архимандрита Іосифа. Вместе съ Никономъ на добровольное заключеніе прибыли изъ Воскресенскаго монастыря два іеромонаха Памва и Палладій, два іеродіакона Іосафъ и Маркелль, старецъ Флавіанъ и два бѣльца дьяки изъ патріаршихъ селъ— Гераська Матвѣевъ и Пнатко Михайловъ, всего семь человекъ.

Предъ прибытіемъ ссыльнаго патріарха, Оерапонтовъ монастырь выгорѣлъ; огонь истребилъ братскія кельи и ограду. Пришлося Никону со свитою номѣстить за монастыремъ въ братскія больничныя кельи „срадные и законтѣлыя, еже и изрещи неудобно“.

Кельи постоянно охранялись двадцатью стрѣльцами во главѣ съ сотникомъ. Новый приставъ дворянинъ Степанъ Наумовъ (съ 19 января 1667 г.) продолжалъ также строго держать узника. „Свѣтъ келейный у меня отнялъ, писалъ Никонъ въ жалобѣ царю, окна заковалъ желѣзными крестами, такъ что и днемъ приходилось отправлять келейное правило съ лучиной, а изъ кельи не велѣлъ никому ни ходить, и въ келью и близъ кельи проходить и подавать никому не велѣлъ, и такъ жорилъ меня съ моими келейными старцами“. Изъ нихъ четверо — іеромонахъ Палладій, іеродіаконъ Іосафъ и оба бѣльца не выдержали тяжести заключенія и по челобитной были уволены въ Воскресенскій монастырь.

Разказы ихъ обратили вниманіе правительства на бѣдственное положеніе Никона. Въ іюлѣ 1667 года съ Москвы былъ посланъ для дознанія стряпчій Иванъ Образцовъ, привезшій отъ царя Никону большую денежную царскую милостыню. За самоуправство приставъ Наумовъ оиъ посадилъ его подъ арестъ часа

на три. Тотъ попросилъ у Никона прощенія, оправдываясь, что онъ человекъ подневольный, дѣлалъ, какъ приказывали и на время отношенія между приставомъ и Никономъ уладились, такъ что потомъ они часто бесѣдовали другъ съ другомъ и вступали въ откровенные разговоры. Илучилось и матеріальное положеніе ссыльныхъ. Еще въ день прѣзда Никона игумень монастыря Аонасіи и келарь Макарій Злобинъ съ братією въ челобитной писали царю: „нынѣ присланъ къ намъ бывшій патріархъ Никонъ, а указу намъ нѣтъ, какова ему нища давать; а монастырь у насъ бѣдный и скудный, и погорѣлъ безостатку, и келейнымъ покоемъ стѣсненіе великое, и хлѣбу недородъ—вызйбъ весь; а крестьянъ твоего жалованья за монастыремъ 321 дворъ, и то въ разныхъ городахъ“. Велѣдствіе этого содержаніе было возложено на Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, власти котораго царскимъ указомъ обязывались присылать все, что ни потребуется для Никона—хлѣбные и съѣстные припасы, одежду, обувь, разную посуду, мебель, свѣчи, а также рабочихъ людей и слугъ. Для рыбнаго продовольствія отдано было Никону во владѣніе подмонастырное озеро Вородаевское и дозволено было на Шекснѣ въ Вородаевской волости ловить красную рыбу стерлядей и осетровъ. А къ лѣту 1668 года были выстроены новыя кельи кирилловскими плотниками. Въ началѣ 1668 года патріархъ устраивалъ отведенную для него надвратную монастырскую церковь Богоявленія Господня. Разбѣжавшаяся было свита его оячь стала увеличиваться и простерлась даже до десяти человекъ, которые и выполняли всѣ обязанности при заключенномъ. „А братія его, писалъ царю приставъ Паумовъ, съ нимъ живущая въ кельи—священники, діаконы и клирошане, всякую келейную работу ему работаютъ, кельи нагрѣваютъ, и варятъ, и обшиваютъ; а Ѳеранонтова монастыря слугъ и поваровъ по сіе время въ келью къ себѣ не имывали, тружается самъ съ братією, и келейный обиходъ кромѣ хлѣба временемъ покупаючи ѣсть“. Доступъ къ заключенному патріарху сталъ свободенъ для всѣхъ, даже постороннихъ лицъ. Мѣстное населеніе теперь имѣло возможность открыто заявить свое сочувствіе опальному патріарху. Многіе начинали приходиться къ нему съ поклономъ—власти и простые люди. Явился земскій староста (голова) съ Бѣлозера и съ Каргополя голова кружечнаго двора; игумень Воскресенскаго монастыря, изъ Горницъ Марфа. Архимандритъ Іосифъ Новоспасскій, заступившій мѣсто архимандрита Іосифа Нижегородскаго, и Ѳеранонтовскій игумень Аонасіи стали открыто величать Никона патріархомъ и позволили такъ его именовать даже на

актеніяхъ. Надежды оживились. Аѳанасій, митрополитъ иконійскій, не сочувствовавшій осужденію Никона, завязалъ съ нимъ сношенія и сообщилъ ему о сочувствіи къ его положенію константинопольскаго патріарха Парѳенія, которое выразилось письмомъ къ царю отъ 15 мая 1668 года, въ которомъ онъ просилъ царя объ облегченіи участи Никона. Но враги Никона не желали, чтобы заточеніе его ослабло и они, воспользовавшись ложнымъ обвиненіемъ Никона въ сочувствіи начинающемуся движенію новолжскихъ казаковъ, устроили, что оцять изъ ложной предосторожности его стали держать въ строгомъ заключеніи и къ нему перестали допускать постороннихъ лицъ, даже съ Москвы въ подкрѣпленіе прежнимъ были присланы новыя стрѣльцы. Когда 15 іюня 1671 года вмѣсто стараго пристава вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей новый, стольникъ князь Самойло Никитичъ Шайсуновъ, на первыхъ порахъ шло все по старому. Положеніе, дѣйствительно, было трудное. „Со всякой нужды келейной и недостатковъ оцнжалъ, писалъ Никонъ царю, руки болны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣльма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая и они не терпятъ ни горячаго, ни холоднаго, ни кислаго; ноги пухнуть и потому не могу церковнаго правила править; а нонъ у меня одинъ и тотъ слѣпъ, говорить по книгамъ не видитъ“. Приставъ князь Шуйсуновъ подтвердилъ справедливость этихъ жалобъ и кромѣ того еще прибавилъ: „для всякой работы и послушанія тутошнымъ работникамъ быть у него не мочно потому что, государь, отъ тутошнихъ людей въ кельѣ въ денежной его казнѣ и въ судахъ многая поруха чинится и пропажаетъ... а хлѣбъ по нуждѣ печеть и ѣствы варигъ онъ монахъ Никонъ про себя самъ“. Тяжесть положенія усиливалась недоброжелательствомъ властей Ферапонтова монастыря. Никонъ сознавалъ тяготу Ферапонтова монастыря и своими силами старался облегчить ее, однако ферапонтовскія власти, игумень, келарь и казначей заподозрѣнные въ сочувствіи расколу, къ заключенному относились недружелюбно и всячески его обесчитывали, стараясь не додавать присылаемыхъ на его содержаніе изъ бѣлозерскихъ монастырей припасовъ.

Тогда Никонъ рѣшился 25 декабря 1671 года отправить своего келейнаго старца іеродіакона Мардарія съ просьбою къ царю, въ которой писалъ: „прошу тебя, ослаби ми мало“. Письмо произвело на добраго государя сильное впечатлѣніе. Съ этого времени до конца своей жизни царь непрестанно относился милостиво и покровительственно къ ферапонтовскому заточнику, но

смотря на неослабѣвающіе происки его враговъ. Число монастырей, несшихъ на себѣ содержаніе Никона, увеличилось. Кроме Кирилло-Бѣлозерскаго съ приписными Никитскимъ и Воробозскимъ и бѣлозерскихъ монастырей Усть-Шехонскаго Троицкаго и Новозерскаго, еще были присоединены вологодскіе Спасо-Каменный и Прилуцкій. Сначала содержаніе отъ нихъ шло натурою, а потомъ деньгами. Келейные старцы Никона получили возможность безрешительно выходить. Самое число ихъ увеличилось, а работныхъ людей и служекъ ипогда бывало до 20. Подъ охраною стрѣльцовъ дозволяли выходить и самому заточнику, такъ что онъ разъ ѣздилъ въ Пило-Сорскую путью на богомолье, а другой—на Шексню посмотреть своихъ бородавскихъ ловель. Свободное время отъ хозяйственныхъ заботъ и отъ домашняго келейнаго правила, Никонъ употреблялъ на леченіе стекающагося отовсюду къ нему народа. Въ день бывало по сорокъ человекъ и больше. Пользовалось леченіемъ не только мѣстное населеніе уѣзда, приходили изъ сосѣднихъ губерній Ярославской, Вологодской, Олонецкой и другихъ. Для покупки лекарствъ одинъ изъ старцевъ Никона отпращивался въ Москву. Надъ властями оерапонтовскими было произведено слѣдствіе и изъ нихъ игумень и келарь, болей неминуемаго осужденія за злоупотребленія, тайно убѣжали изъ монастыря и такъ пропали безъ вѣсти. Наконецъ, Никонъ приступилъ къ постройкѣ новаго помѣщенія для себя. Были выстроены кельи о 25-ти жильяхъ, изъ которыхъ переходы вели прямо въ Богоявленскую церковь.

Но ими не пришлось воспользоваться вздохнувшему свободно заточнику. Тихайшій царь Алексѣй Михайловичъ въ ночь на 30-е января 1676 года скончался. Друзья Никона были отѣснены отъ престола, а ихъ мѣсто заняли его враги. Началось слѣдствіе по дѣлу Никона, дана была вѣра всемъ обвиненіямъ противъ его и вотъ новымъ соборнымъ приговоромъ отъ 15 мая 1676 года рѣшено было перевести его въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, какъ въ болѣе безопасное мѣсто для заключенія. Чтобы привести въ исполненіе соборное постановленіе отпращивены были на Бѣлоозеро чудовскій архимандритъ Навель и думный дворянинъ И. Аѳ. Желябужскій и съ ними два дьяка. 4 іюня Никонъ былъ вызванъ въ монастырскій соборъ послѣ обѣдни, былъ допрошенъ здѣсь по обвинительному списку, было ему объявлено соборное рѣшеніе и въ тотъ же день былъ перевезенъ въ Кирилловъ монастырь, гдѣ и томился въ строгомъ заключеніи послѣдніе пять лѣтъ ссылки.

Послѣ отбытія патріарха Никона, Оеранонтовъ монастырь совсѣмъ захудалъ. Ничто не разнообразило его сѣрыхъ дней. Монастырскіе штаты 1764 года не прекратили его существованія, но онъ недолго послѣ этого оставался: въ 1798 году, указомъ императора Павла I, за скудостію средствъ, былъ закрытъ и братія была переведена въ Пензу, въ Спасо-Преображенскій монастырь.

Тогда-же на мѣстѣ упраздненнаго монастыря была открыта приходская церковь, которая существуетъ до настоящаго времени.

Братскихъ келій и монастырскихъ службъ давно уже нѣтъ, но церкви и часть большой казны съ сушилами сохранились до нашего времени и напоминаютъ о прошлыхъ временахъ скромной приходской церкви, не знающей, что дѣлать съ наслѣдіемъ отъ монастыря. Для небольшого прихода вполне достаточно одной церкви, а у него теперь въ обладаніи четыре храма.

Первый изъ нихъ и самый древнѣйшій это—прежняя соборная церковь монастыря во имя Рождества Пречистыя Богородицы съ придѣломъ Николая чудотворца. Она построена въ исходѣ XV в., одновременно съ Успенскою церковью соборною Кириллова монастыря и обѣ онѣ являются единственными представителями архитектуры этого вѣка на Бѣль-озерѣ. Оеранонтовская церковь сохранилась въ большей неприкосновенности, чѣмъ ея кирилловскій сотоварищъ, подвергавшійся многимъ перемѣнкамъ. Мѣстные иконы нижняго яруса восходятъ къ XVI столѣтію. Сохранилось игуменское мѣсто, сохранились также на задней стѣнѣ мѣста для братіи. Все здѣсь напоминаетъ монастырь и, осматриваясь, трудно себя убѣдить, что стоишь въ приходской церкви; напротивъ всею душою вѣрится, что все еще это монастырь и вотъ, думается, изъ за столба явится какой-либо старецъ, чтобы рассказать о прошлыхъ дняхъ обители и провести по ея святынямъ. Трапеза съ придѣльною церковью Благовѣщенія Пресвятой Богородицы начата строеніемъ въ 1530 году, а кончена въ 1535 году. Хотя въ настоящемъ столѣтіи она подверглась значительному ремонту,—церковь преобразована въ алтарь, а трапеза въ храмъ для предстоящихъ,—однако въ ней можно еще узнать древнее зданіе. Это обычная каменная четырехугольная трапеза древнемосковскихъ монастырей со столбомъ по срединѣ, принимавшемъ на себя своды стѣнъ, съ подвалами, гдѣ были хлѣбни и поварни. Въ трапезѣ отъ времени монастырскихъ сохранились еще скамьи (двѣ), на которыхъ трапезовала братія. Во имя св. Мартиніана церковь построена въ 1640 году и освящена въ слѣдующемъ. Въ ней дѣйствуютъ мощи.

св. Мартинаана и находится гробница архимандрита Иоасафа. Четвертая церковь Богоявленская, надвратная, съ придѣломъ препод. Ферапонта, освящена въ 1650 году; она служила крестовой церковью патриарху Никону. Его келья, отъ которыхъ въ настоящее время нѣтъ никакихъ остатковъ, нужно искать по лѣвую руку этой надвратной церкви противъ трапезной церкви. Онѣ выходили одними окнами на монастырь, а другими за ограду на озеро. На правой сторонѣ надвратной церкви въ связи съ нею расположено каменное двухъэтажное зданіе. Это большая монастырская казна съ сушилами надъ нею, столь же необходимая принадлежность общежительнаго монастыря, какъ и трапеза. Заботливая рука священника обсадила по мѣстамъ площадь монастыря деревьями; видѣются кое-гдѣ грядки съ цвѣтами и между ними чистыя дорожки. Все скромно и опрятно, все располагаетъ умъ витать въ прошлыхъ дняхъ Ферапонтовской церкви.

II. Успенскій.

Сельское церковное торжество.

8-го мая въ день св. апостола и евангелиста Іоанна Божьего сосѣдняя Чуровская церковь совершала великое торжество освященія вновь сооруженнаго иконостаса въ холодномъ храмѣ. По справедливости и безъ прувеличенія нужно сказать, что подобныхъ торжествъ въ селахъ бываетъ весьма не много. Не говоря уже о богатствѣ и благолѣшии Чуровскаго храма, благодаря высокому и щедрому покровителю сего храма преосвященнѣйшему Мисаилу, епископу могилевскому, Чуровская церковь имѣетъ у себя одно важное преимущество предъ другими церквами—это чудный, и по деревнѣ, роскошный хоръ нѣвчихъ. Съ какимъ отраднымъ чувствомъ, съ какимъ душевнымъ умиленіемъ выслушивалось дивное пѣніе чуровскаго хора собравшимися священнослужителями, мѣстною интеллигенціею и простецами! Хоръ обязанъ и своимъ существованіемъ и своимъ совершенствомъ исключительно учителю 2-хъ классной школы А. Свѣтлову, который имѣетъ особенную способность дѣлать подборъ хоровыхъ партій изъ своихъ учениковъ.

Насколько было умилительно церковное пѣніе на освященіи, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ слѣдующій фактъ: священникъ единовѣрческой Крутецкой церкви о. Павелъ Смирновъ (изъ числа священнослужащихъ) по окончаніи св. литургіи выразился такъ: „если-бы и при моей церкви былъ устроенъ такой же хорошій хоръ, то я, при согласіи своихъ прихожанъ, сейчасъ же согласился-бы пережѣнить какъ свое, такъ и своихъ духовныхъ чадъ—единовѣріе на православіе“.

Какъ угодно, а этотъ фактъ говорить за многое, и особенно долженъ отрадно повліять на насъ православныхъ священниковъ края, напоминая намъ, что оружіемъ для побѣды православія во многихъ случаяхъ нужно считать хорошее пѣніе.

Торжеству праздника много способствовала масса собравшихся священнослужителей. Первенствовалъ въ священнослуженіи мѣстный о. благочинный, священникъ Покровской Долгослободской церкви о. Іоаннъ Виноградовъ; ему сослужили: два мѣстныхъ священника: О. А. Вратолюбовъ и о. І. Вѣлолизовъ, черноозерскій священникъ о. Богоявленскій, чаромскій священникъ о. Свѣтловъ, Крутецкой-единовѣрческой церкви о. Павелъ Смирновъ и иишущій настоящія строки; были два отца діакона—мѣстной церкви Л. Любецкій и Запогостской церкви П. Георгіевскій.

Наканунѣ торжества было соборно совершено всенощное бдѣніе, на которомъ мною было сказано поученіе на тему „о необходимости всѣмъ прихожанамъ заботиться о благолѣпії своего приходскаго храма“. На божественной литургіи были произнесены два поученія; первое о. благочиннымъ на тему „О бракѣ“, поученіе, какъ было замѣтно, благотворно повліявшее на многочисленныхъ слушателей; второе поученіе было произнесено мѣстнымъ священникомъ о. Іоанномъ Вѣлоликовымъ—о томъ, что не слѣдуетъ уклоняться отъ посѣщенія храмовъ Божіихъ и отъ сборовъ на оныя. На торжествѣ изъ интеллигенціи были: г. земскій начальникъ Н. С. Юреневъ (почетный попечитель церковныхъ школъ края и извѣстный своею дѣятельностью по симъ школамъ), г. становой приставъ и многія другія почетныя лица.

По окончаніи церковнаго торжества, всѣ священнослужащіе и вся интеллигенція были приглашены хозяевами—мѣстными свя-